

компромиссов у представителей политического класса. Итог известен, каждый десятый голос, полученный «Гражданской силой» в стране, был голос избирателя из Свердловской области. Более того, в Екатеринбурге на целом ряде участков «Гражданская сила» даже обгоняла коммунистов.

Сама эта региональная избирательная кампания позволила сформулировать два принципиальных вывода.

Во-первых, в сложившейся ситуации при любых пропорциональных выборах «малым и средним» партиям нужно выработать «нишевые» стратегии, не пытайтесь работать со всеми, не распыляя ресурсы, очень жестко и сознательно ограничивая свое электоральное пространство. Иного не остается. Кроме того, этим «инакомыслящим» партиям нужно отказываться от «кризисного» языка, который по определению есть язык партии власти, язык бюрократии. Критика власти в повестке самой власти, также как ответ на вопрос в подавляющем большинстве случаев в логике самого вопроса. А вопросы пока ставит власть. Несмотря на поражение «инакомыслящих» необходимо, чтобы выжить, перестать говорить в логике власти, то есть в логике «все сгорело, все пропало», необходимо

удержаться от скатывания к банальному отрицанию, к уличному экстремизму. Другими словами, нужно стремиться задавать власти свою повестку. СПС и «Яблоко» поступили с точностью до наоборот. Результат известен. И вывод понятен: либерализм как будущее России – неизбежность, старые «правые» партии остаются в прошлом.

Во-вторых, если подавляющее большинство партий во главе с «Единой Россией» декларировали необходимость укрепления государства, расширение его роли, в том числе и прежде всего в распределении благ, и такие декларации были и в духе бюрократии, и в повестке «Единой России», позиционирующей как партия, то вызов бюрократии, связанный с программными призывами об ограничении роли и функций государства, при определенных условиях оказаться и электоральным вызовом партии власти. Тем более, что во многих случаях ее представители разницы между партийной кассой и государственным/муниципальным бюджетом просто не осознают. Наконец, далеко не случайно, именно либералы и либеральные преобразования 90-х гг. стали в итоге основным объектом критики и со стороны «партии власти», и со стороны самой власти.

И. А. Савченко

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**Савченко
Ирина Алексеевна**

кандидат политических наук, доцент кафедры теории и практики управления Московского городского психолого-педагогического университета, г. Москва

В различных областях научного знания об обществе разрабатывается и широко используется категория политического действия. При этом каждая из научных дисциплин имеет собственное представление о содержании данного понятия и трактует его, исходя из того, какая смысловая нагрузка политического действия может быть полезна в исследовании феноменов, лежащих в предметной области данных наук. Вследствие этого возникает необходимость в формулировании более общего понятия политического действия и формировании исходного представления о его базовых характеристиках. Эта необходимость обусловлена не только требованиями квалификационного порядка, культурой политологического исследования, но и тем, что каким бы очевидным не представлялось содержание понятия «политическое действие» в прикладных политических исследованиях, оно не является общезначимым, хотя именно оно имплицитно формирует теоретико-познавательные установки, служащие своеобразной призмой, через которую осмысливается конкретная политическая проблема.

Недостаточно четкая определенность понятия «политическое действие» отражается на теоретической и, тем более, практической неразрешенности проблемы технологии политического действия, которая является классической не только для политологии, но и для всех без исключения гуманитарных и социальных наук. Такой

интерес к данной проблеме, с одной стороны, создает достаточно большой простор для выбора исследовательской позиции и аргументации, а с другой, требует большой тщательности в отборе и формулировании исходных понятий и практических рекомендаций. Возникает необходимость определения критериев научности в осмыслении проблемы технологии политического действия, последующего отбора и анализа теорий и концепций, которые соответствуют этим критериям, и, наконец, попытки синтеза этих теоретических построений и практических технологических разработок.

Основной целью данной работы является исследование политического действия как технологического института. Для достижения этой цели необходимо определить понятие политического действия, выявить его технологию в контексте политических, экономических и социокультурных преобразований.

Политическое действие как одна из форм политической активности представляет собой субъективно-рационально обоснованную, упорядоченную реализацию социальной власти, многообразных конфликтных интересов в определенном пространственно-временном континууме. Анализ политического действия предполагает рассмотрение его субъективных, технологических, институциональных и ситуативных компонентов в их динамике. Н. Макиавелли, по мнению А.С. Панарина, был первым, кто рассмотрел политическое действие как технологический институт.¹ Главным критерием эффективности политического действия для Макиавелли является не соответствие его моральным или религиозным принципам, а целесообразность, то есть соответствие основополагающим целям государства. Само политическое действие понимается им как поступок политического деятеля, который стремится

к захвату и удержанию власти. Все политические действия государя должны быть подчинены принципу целесообразности, который собственно и отличает политические действия от других видов действий. Для него наука политики учит тому, как достигать результатов, а не тому, как следовать ценностям. В целом рассмотрение политического действия с позиции технологического принципа у Макиавелли включает в себя несколько важных моментов. В первую очередь, технологический принцип предполагает использование тех инструментов и рычагов, посредством которых можно удержать власть вопреки всяким представлениям о ценности и социальной справедливости, причем эффективность политического действия возрастает по мере своего освобождения от моральных норм и запретов. Следующим важным моментом технологического принципа в политике является рассмотрение власти как самоцели, в возрастании которой для субъекта политического действия не существует никаких пределов. Таким образом, свобода от моральных норм и ненасытное честолюбие могут служить, по мысли А.С. Панарина, залогом эффективности политического действия как технологического института.

Для определения политического действия как технологического института необходимо решить проблему соотношения понятий «ценность» и «цель» действия. По мнению А.И. Демидова цели и ценности в ходе их взаимодействия и взаимовлияния не должны замещать друг друга, так как они играют разные роли в детерминации политического действия.² Цель – это идеальный образ результата планируемых действий. В цели осуществляется идеальная концентрация, синтез всех детерминант политического действия, происходит выбор одного из множества вариантов возможных действий. Она придает направленность действию, служит его законом, образцом, нормой. Однако цель, имея направленность в будущее, находится под давлением ситуации, ценность же вводит критерий желательности и субъективного предпочтения в формировании как самой цели, так и в выборе средств ее реализации. Если цель не соответствует требованиям конкретности (не учтены обстоятельства и возможности действия) и реалистичности (то, насколько возможно наиболее полное воплощение цели в приемлемые для субъекта сроки), то она становится абстрактной, превращается в идеал. Замена цели идеалом негативно сказывается на эффективности политического действия, делает его нетехнологичным, поскольку практически всегда, предполагая множественность путей своего достижения, различные варианты действий, идеал снова вводит субъекта в ситуацию выбора целей и средств, обрекая его тем самым на топтание на месте часто в самый критический для обеспечения успеха действия момент. Цель не может быть ни абсолютной, ни неизменной, она подвергается изменениям в ходе реализации под воздействием новых обстоятельств.

Важное место в структуре политического действия занимают условия, в которых оно происходит. Исследования западных ученых в области политической социологии показали, что социальные условия, недоступные для индивидуального контроля, оказывают большое воздействие на политические действия индивида, поскольку влияют на вероятность социального взаимодействия внутри групп и за их пределами, таким образом воздействуя на поток информации, связанной с политикой.

Социальные условия определяются в терминах социального состава - как социальный состав среды, характеризующийся

по различным основаниям (этническое, религиозное, профессиональное и т.п.). Существует несколько моделей описания влияния социальных условий на политическое действие. Например, социальный детерминизм утверждает, что социальные характеристики прямо и неизбежно переходят в набор интересов и сопутствующих им политических предпочтений, на основе которых действует индивид. Существуют и более сложные объяснительные модели влияния условий. Так, Л.Эрбринг и А. Янг полагают, что воздействие условий должно рассматриваться как эндогенные обратные связи взаимозависимого поведения индивидов.

Важное место среди компонентов, определяющих условия политического действия, занимают политические нормы, правила и институты. Политические отношения всегда нормативно организованы. Существует множество установленных или спонтанно сложившихся правил поведения, которые придают действиям субъектов в сфере политики направленный, регулируемый, должностующий характер. Однако реальное политическое действие, строясь по норме, постоянно выходит за ее пределы. К тому же правила имеют свойство конкретизироваться в соответствии с новыми требованиями и обстоятельствами действия и искажаться в зависимости от способа истолкования и социальной потребности действовать так, а не иначе.

В рамках неинституционального подхода существует ряд исследований, посвященных проблемам взаимообусловленности политических институтов и конкретных политических действий. Так, Э.Остром разработала подход, основанный на правилах, которые «позволяют, предписывают и запрещают» членам определенного института те или иные действия.

В соответствии с одной из версий структурного подхода к изучению институтов они представляются как некая совокупность «запретных контрольных точек». Это некие точки в единой последовательности принятия решений, когда автор может предотвратить то или иное действие. Институты рассматриваются в качестве комплекса взаимосвязанных узловых точек, на которых действие может быть заблокировано. В целом же сторонники неинституционализма обращают внимание на то, что воздействие институтов на политическое поведение носит ситуативный характер, иначе говоря, в одном случае индивид может принять решение действовать в соответствии с правилами, а в другом – против правил. Однако само существование правил сокращает разнообразие вариантов политических действий, которые могли бы быть предприняты, если бы эти правила отсутствовали.

Рассмотрение структуры политического действия было бы неполным без анализа такого его элемента как политическая ситуация. Свойственное данному времени, месту сочетание условий и обстоятельств, непосредственно определяющих возможности и задачи политической действительности, называется политической ситуацией. В политической ситуации осуществляется отбор, фокусировка отдельных противоречий, к которым привлекается всеобщее внимание, акцентируется их значимость. Преобразуя состояние целостности, субъект политического действия имеет возможность, не меняя содержащих компонентов политической ситуации, воздействовать на их соотношение.

Политическое действие как технологический институт представляет собой рационально организованный и устоявшийся в политической практике способ эффективного достижения

поставленных целей. При этом технологичность заключается в единстве традиционности, творчества и инновационности в применении совокупности приемов, процедур и способов деятельности политическим субъектом для решения конкретных политических проблем. Достижение планируемого результата зависит от многих обстоятельств, среди которых большое значение имеют наличные условия, выдвигаемые цели, применяемые средства. Поскольку между поставленной целью и достигнутым результатом существует множество опосредствующих звеньев, только часть из которых принимается во внимание при планировании действий, а значительная часть возникает уже в ходе достижения цели. К тому же очень многое зависит от степени интенсивности действий, совпадение результата с поставленной целью и с первоначальными намерениями может быть только относительным, но не абсолютным, имея сходство по одним характеристикам цели, намерений и результата и различаясь по другим. Степень их различия зависит от уровня

обоснованности намерений их реальности, подкрепленности соответствующими средствами, наличия или отсутствия необходимого для достижения желаемого результата комплекса условий. Нередко политическое действие рождает результаты противоположные намерениям, и в этом заключается специфика политики, в невозможности учета всех обстоятельств и возможностей действия, а также предвидения его результатов. Цепь социальных взаимосвязей, затрагиваемых тем или иным политическим действием, столь сложна, что здесь всегда надо быть готовым к самым неожиданным последствиям, в том числе и весьма неблагоприятным.

1 Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М., 1999. С.12.

2 См.: Демидов А.И. Учение о политике: философские основания. – М., 2001, С. 124.

О. Е. Гришин

ИДЕОЛОГИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ

**Гришин
Олег Евгеньевич**

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии
и социальной политики
Российского государственного
социального университета
г. Москва

Одной из основных задач политического брендинга, является решение вопроса партийной интеграции, идентификации и дифференциации в политическом пространстве. В этом плане политическая символика играет ключевую роль как инструмент позиционирования на политическом рынке. Символы принимают активное участие в политической конкуренции среди отечественных партий. Анализ показывает, что смена власти сопровождается изменением политической символики. Политическая символика находится в сложных и многогранных взаимосвязях с политическими процессами, интересами разных социальных групп и структур. Символы тесно связаны с идеологическими программами политических сил, выступая специфическим носителем содержания разных идеологий.

Актуальность исследования проблем политического бренда усилилась в контексте введения в российское законодательство таких новелл, как ужесточение норм партийного строительства, запрет на участие в парламентских выборах избирательных блоков, повышение порога заградительного барьера для партийных списков и др. Именно обретение бренда может позволить партиям усилить связь с массами, опереться на долгосрочные предпочтения избирателей, обеспечить себе политическое долгожительство. Вот почему проблемы бренда и брендинга как процесса формирования бренда становятся интересными не только для предпринимателей, но и для политиков, государственных деятелей (Вихров А.Н. Бренд в системе современного маркетинга: концептуальные основы и

политическая практика: Автореф. дисс. ... к. полит. наук. - М., РАГС, 2005.).

Мы солидарны с А.Г. Арзамасовой (Арзамасова А.Г. Политическая культура России в контексте формирования политических символов: Дисс. ... к. полит. наук: 23.00.02. - Казань, 2004.), в том, что проблема понимания политических процессов теснейшим образом связана с проблемой понимания их важнейшего компонента — политической символики. Исследование роли и значимости символов в политической культуре, и в том числе, добавим от себя в партийном строительстве, приобретает особую актуальность, ибо сегодня, несмотря на десятилетия, прошедшие после распада советского государства, общество все еще находится в поисках парадигмы, соответствующей характеру и масштабу задач, поставленных временем, а символы являются тем цементирующим элементом, на базе которого строится и укрепляется дух гражданства в государстве, а так же способствуют более глубокому проникновению в понимание сущности политического выбора альтернативы развития страны.

Политический символ как быстродействующий образ или действие, влияющее, прежде всего, на эмоции людей, минуя их сознание и побуждая к действию (Борисов Б.Л. Технологии рекламы и ПР. - М.: Фаир-пресс, 2001. - С.236.). Государственный символ подобен глобальному бренду, способствующему не только узнаванию, но и вовлеченности (Музыкант В.Л. Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммерции, политике. – М., 2001. - С.20–22.). Итак, политический символ – можно определить как условный эталон определенных политических идеалов, важнейшее средство их агитации и пропаганды.

Как выделяет О.Е. Елизарова (Елизарова О.Е. Образы государства и нации в политической культуре современной России // Pro et Contra, Т.7, №3, Лето 2002.), опираясь на ряд авторитетный исследователей, содержательно «политические символы служат саморепрезентации идеологических и ценностных установок стоящих за ними политических элит». В качестве таких символических форм могут выступать исторические термины, церемонии, знаки различия и формальности. Эти знаки могут